

Дмитрий Михачев

ГОРЬКИЕ МЫСЛИ ПОСЛЕ ПОЖАРА

* * *

Пожар, бушевавший в Библиотеке АН СССР 14—15 февраля, может быть с полным правом назван национальным бедствием.

Нанесен огромный ущерб нашей культуре. Сгорел основной фонд старейшей в нашей стране научной библиотеки, существующей с 1714 года.

При этом выяснилась полная организационная несостоятельность как руководства Библиотеки, так и Ленинградского научного центра АН СССР. Оба действовали в первые дни по «модели», заданной ошибками Чернобыльской катастрофы, то есть пытались преуменьшить культурный ущерб самым грубым образом.

Сразу после пожара директор Библиотеки в своих интервью газетам даже не упоминал про пострадавший «фонд Бэра», и цифра ущерба называлась 3 тысячи рублей, при этом утверждалось, что Библиотека через несколько дней будет открыта для работы. Был вызван бульдозер, и бульдозером во дворе уничтожались огромные завалы книг и газет, сгоревших, вымокших или целых. Сотрудникам Библиотеки запрещалось спасать книги из этой груды. Все это, чтобы поскорее скрыть от глаз общественности размеры катастрофы. После партийного и профсоюзного собрания директор В. А. Филов лег в больницу, а его заместитель В. П. Леонов уехал в Швейцарию — фактически дезертировал. Какое дело в Швейцарии могло быть важнее экстренного спасения оставшегося?

Осмелюсь заявить, что руководство Библиотеки вело себя недостаточно цивилизованно. В цивилизованном обществе поведение каждого должно было бы быть иным.

До сих пор нет точных данных об ущербе, безвозвратном или частично восполнимом (с помощью советских и иностранных библиотек). Только к 21 февраля руководство Библиотеки удосужилось собрать предварительные данные, только цифровые и при этом недостаточно точные

и достоверные, которые, однако, рисуют хотя бы общими штрихами картину ущерба. Назову некоторые цифры.

Огнем уничтожен более чем на 25 % газетный фонд Библиотеки, среди сгоревших были уникальные подшивки, имевшиеся только в БАН. Полностью сгорело свыше 10 % русского книжного фонда из размещенного на этажах, охваченных пожаром. Более всего пострадал иностранный фонд БАН.

Сотни тысяч книг были залиты водой в процессе тушения пожара (допотопным способом: 25 брандспойтов 19 часов качали воду в здание). Книги пострадали от воды, проникавшей через перекрытия и стены. Миллионы книг в той или иной степени впитали влагу из воздуха. В результате от воды и влаги на 100 % пострадали книги русского книжного фонда, расположенные на трех этажах хранилища; более чем на 17 % — книги иностранного фонда. Фактически полностью увлажнен фонд справочных изданий; залиты водой и увлажнены славянский фонд и фонд редких книг на восточных языках.

Администрацией Библиотеки были обнародованы цифры полностью сгоревших книг — около 400 тысяч, в том числе 188 000 книг на иностранных языках. Как ни жаль книг советского периода, эта утрата, однако, почти полностью может быть восполнена. Но почти безвозвратной является потеря иностранного фонда. В огне горели книги, поступившие в Библиотеку на протяжении XVIII, XIX и начала XX вв. Этот фонд, известный как «фонд Бэра», разработавшего принципы систематизации и расстановки зарубежной литературы (дирекция БАН путала его с коллекцией Бэра — его личной библиотекой, также находящейся в БАН), включал примерно 518 тысяч издательских единиц (монографии и периодика). В горевшем хранилище № 14 размещалось примерно 400 000 издат. единиц из этого фонда. Даже по приблизительным подсчетам огнем уничтожено и необратимо повреждено около 200 тысяч изданий. Еще примерно 150 тысяч залито водой, в том числе водой с поверхностно-активными добавками. Только 50 000 книг из этого хранилища осталось в относительной целости.

Что находилось среди уничтоженных книг? Зарубежные книги из библиотеки Аптекарского приказа, формирование которой началось еще в XVII веке; фонд библиотеки курляндских герцогов, существовавшей не менее столетия до передачи ее Петру I; личные библиотеки лейб-медика

Роберта Арескина, дипломата и переводчика Андрея Винюса, видного английского ученого Рибейро Санчеса и многих других деятелей культуры XVIII в.

Не меньшую историко-культурную ценность представляют и книги, поступившие в «фонд Бэра» в XIX столетии. На их страницах сохранились автографы и маргиналии виднейших мировых ученых, общественных деятелей, писателей. Среди сгоревших книг бэровского фонда и залитых водой книг славянского фонда находились книги из крупнейшей для своего времени частной библиотеки Радзивиллов, складывавшейся на протяжении около двух столетий.

Казалось бы, естественным было сразу после тушения пожара разработать детальный и тщательно продуманный план по ликвидации последствий бедствия. Однако руководство БАН избрало иной путь. Целую неделю директор БАН В. А. Филлов (кстати, онколог, работавший директором по совместительству!) и его заместитель В. П. Леонов вводили в заблуждение партийные и советские органы и средства массовой информации, занижая цифры уничтоженных огнем и водой книг и общего ущерба зданию. В газетах, по радио и телевидению совершенно не упоминались сгоревшие бесценные книги бэровского фонда. Работы по спасению обгоревших и залитых водой книг велись стихийно, единого плана перемещения пострадавших фондов не было до начала марта (возможно, нет и сейчас). Сотрудники БАН, взявшие под свой контроль отдельные участки, на свой страх и риск используют любую возможность для просушки и дезинфекции хотя бы малых частей поврежденного фонда. В общей сложности за три недели после пожара эвакуировано в ЦГИА СССР и ряд академических и неакадемических институтов и библиотек всего несколько десятков тысяч залитых водой книг. Еще около 100 тысяч книг вывезено для консервации в морозильные камеры ряда ленинградских хладокомбинатов (это сделано благодаря энергии рядовых сотрудников). Около 100 тысяч единиц хранения (точных данных нет) просушивается в стенах самой Библиотеки. Однако количество книг, пострадавших от воды и влаги, даже по официальным данным оценивается как минимум в 2,7 миллиона единиц хранения. Если двигаться теперешними темпами, только просушка займет многие месяцы.

В первые же дни после пожара специалисты по хранению и реставрации книг неоднократно предупреждали администрацию БАН о неизбежном массовом появлении

плесневых грибков. Первые появления живой растущей плесени были обнаружены уже к 20-м числам февраля фактически на всех затронутых водой фондах БАН. Если нашествие плесневых грибков не будет остановлено в его начале, то заражению подвергнется весь фонд, в том числе и не пострадавший от пожара, а ликвидация «плесневого пожара» потребует многих лет и труда многих тысяч людей.

Отсутствие тщательно продуманного плана ликвидации последствий пожара проявилось и в том, что даже к концу третьей недели после пожара администрация БАН не имеет четких представлений о метраже и кубатуре помещений, необходимых для эвакуации и временного складирования книжных фондов.

Как было ясно с самого начала, коллектив БАН своими силами не сможет ликвидировать даже первые последствия бедствия. В наиболее важных направлениях реальную помощь могут оказать только центральные партийные и советские органы и президиум АН СССР. В первую очередь это относится к решению вопроса о финансировании восстановительных работ. Очень большие средства потребуются на ремонт здания, часть несущих конструкций и перекрытий которого в результате пожара потеряла свои свойства. Огнем уничтожена большая часть библиотечного оборудования, на восстановление которого также потребуются немалые денежные средства. Больших ассигнований потребует организация и материально-техническое обеспечение квалифицированных реставрационных работ. Наконец, необходимо отметить и такую достаточно большую статью расходов, как оплата труда квалифицированных библиотечных специалистов, которые будут необходимы для проведения полной инвентаризации, докомплектования и обработки восстанавливаемых фондов.

Даже по самым осторожным подсчетам библиотеке потребуется не менее 100 (а может быть, значительно больше) дополнительных штатных единиц только сотрудников библиотечного профиля. Примерно такое же количество дополнительных работников необходимо будет привлечь и для реставрационных работ. Любые попытки восполнения утрат и реставрирования поврежденных водой и плесенью книг наличным штатом сотрудников будут автоматически означать растяжение этих процессов не на годы, а на десятилетия, не говоря уже о том, что нормаль-

ное функционирование БАН как научно-информационного центра будет попросту невозможно, поскольку современный штат лишь с максимальной напряженностью обеспечивает всю необходимую работу с текущими поступлениями.

Думается, что руководящим органом Академии наук должен быть принципиально решен и вопрос о замене руководства БАН. Нынешний директор и его заместитель по науке, скомпрометировавшие себя распространением ложной информации, вряд ли могут пользоваться доверием, тем более что за три недели после пожара так и не смогли организовать на должном уровне ведение спасательных работ. В нынешних сложных условиях во главе библиотеки должен стоять человек, обладающий как минимум следующими качествами: безусловная личная порядочность, толерантность и умение находить общий язык с коллегами и общественными организациями, широкий культурный кругозор и достаточное представление об основных проблемах функционирования библиотеки как научного и производственного организма, организаторские способности и доверие со стороны коллектива. Само собой разумеется, что во главе старейшего научного центра страны должен стоять широко эрудированный ученый, способный стать действительным лидером коллектива.

Необходимо сказать и еще об одном вопросе, решение которого обусловлено позицией высших академических и правительственных органов. В Библиотеке АН уже давно использованы все мыслимые резервы площади для размещения фондов и устройства рабочих мест сотрудников. Примерно полтора года назад Библиотеке было выделено рядом расположенное здание площадью около 3000 кв. метров. Однако этой площади явно недостаточно даже для создания маневренного фонда для перемещения пострадавших от пожара книг, не говоря уже о расстановке новых поступлений хотя бы на ближайшие 3—5 лет. В начале 80-х годов было принято решение о строительстве для Библиотеки нового комплекса зданий в Шувалове. Однако вскоре финансирование проекта было прекращено, и работы, по существу, не начаты. Для того чтобы решить самый сложный комплекс проблем спасения и обеспечения функционирования такого сложного организма, как центральная академическая библиотека, представляется необходимым оперативное выделение для библиотеки здания,

сопоставимого по площади и объему с ныне существующим зданием БАН и расположенного поблизости от него. Этот вопрос мог бы быть решен передачей для нужд библиотеки непосредственно к ней примыкающего здания, занимаемого некоторыми подразделениями Академии тыла и транспорта. Если бы Министерство обороны СССР вникло в суть трагедии, постигшей БАН, большая часть вопросов, связанных с дальнейшим существованием центральной академической библиотеки, была бы решена по крайней мере на 25—30 лет вперед.

* * *

Пожар в БАН является предупреждением еще большей трагедии, которая может произойти: пожара в Пушкинском Доме (Институте русской литературы АН СССР), о чем я и академик И. В. Петрянов-Соколов писали в газете «Советская культура» в 1986 году. В отношении пожарной безопасности Пушкинский Дом находится в еще гораздо более худшем положении, чем БАН, что неоднократно подтверждалось пожарными специалистами, но не было принято во внимание комиссией, которая рассматривала (без моего участия) состояние Пушкинского Дома после появления статьи в «Советской культуре». Приходившие 3—4 марта в Пушкинский Дом специалисты-пожарники заявили, что если Библиотеке АН понадобилось 19 часов, чтобы потушить пожар, то Пушкинский Дом сгорит за 19 минут. А здесь сосредоточены все рукописи Пушкина, большинство рукописей Достоевского, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Блока и т. д. Невыносимо видеть эти сокровища в такой опасности, да еще рядом с автобазой АН (где находятся 200 автомашин, от угарного газа которых портятся и бумага, и кожа) и Институтом огнеупоров АН СССР, складирующим под окнами Пушкинского Дома металлоконструкции и производящим работы автогеном...

Здание находится в аварийном состоянии. Оно капитально не ремонтировалось более 150 лет. Только что из-за прорвавшегося отопления залиты водой книги и фонды... Пропускного режима в здании нет, ибо в нем расположена кафедра философии, которая отказывается выезжать уже не одно десятилетие (сейчас для нее есть и по-

мещение, куда она обязана была переехать до 1 марта).

Пожары и затопления библиотек стали в Ленинграде обычным явлением. Необходимо принимать экстренные меры.

Я уже не раз говорил, что библиотеки и архивы всегда стоят в ряду культурных ценностей на самом высоком месте. Если вдруг погибнут иные центры культуры, то она все же возродится, если сохранятся библиотеки. Но сейчас под угрозой именно они...

Март 1988 г.